

УДК [316.356.4+323.1](470+571]

Р.Э. Бараш
ФИГУРА «ДРУГОГО» КАК ЗНАЧИМАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ
РОССИЙСКОЙ/РУССКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

БАРАШ Раиса Эдуардовна — к. пол. н., научный сотрудник Центра комплексных социальных исследований Института социологии РАН. E-mail: raisabarash@gmail.com.

В рамках статьи рассматривается специфика массового сознания россиян — тенденция к самоопределению через фигуру этнического «другого». Автор обращает внимание на то, что в течение последних нескольких лет смысловое и содержательное наполнение фигуры «другого» в массовом российском сознании заметно изменилось, особенно в контексте традиционного самоопределения российского социума через автостереотипы.

Ключевые слова: идентичность, маркеры идентичности, миграция, автостереотипы, «другой».

Кульминация политического сезона 2011–2012 гг. — президентские выборы — вновь актуализировала матрицу наиболее значимых для российского общества тем и проблем. Дополнительный информационный импульс был в том числе придан и вопросу межнациональных отношений. Так, с отдельной программной статьей, посвященной национальному вопросу в России, выступил один из кандидатов на пост президента РФ В.В. Путин [22]. Заявив в своей статье тезис о том, что «русский народ является государствообразующим — по факту существования России. Великая миссия русских — объединять, скреплять цивилизацию», В.В. Путин, однако, две недели спустя, на встрече с политологами, выступил «против придания русским статуса государствообразующей нации» [23].

Подобная противоречивость в суждениях премьер-министра свидетельствует в том числе о неготовности общественного мнения однозначно принять лишь одну из альтернатив национально-государственного устройства России. С одной стороны, и об этом говорят недавние опросы общественного мнения Института социологии РАН, в России почти половина (47%) тех, кто полагает Россию общим домом многих народов, однако за 10 лет доля сторонников такой точки зрения сократилась на 14% (с 61%). С другой стороны, с 2001 г. на 11% (до 31%) выросла доля тех, к кому апеллировал в своей программной статье В.В. Путин — уверенных, что русские должны пользоваться дополнительными правами, будучи государствообразующим народом [8]. Хотя это во многом обусловлено намеренной политизацией этничности, в частности посредством обсуждения принципов национально-территориального устройства, в современной России степень тяготения к такой этнической солидаризации очень высока.

© Бараш Р. Э., 2012

Высокая степень этнической солидарности, как правило, оказывается сопряжена с самоопределением через «другого». Говоря словами Э. Эриксона, «любая позитивная идентичность... определяется и через негативные образы и... наша Господом дарованная идентичность живет за счет унижения других» [27]. Дж. Тернер пишет о достижении социальной идентичности только через межгрупповое сравнение, усиливающее значимость группового членства и стимулирующее групповые чувства [30]. Причина такой популярности стереотипов, по словам А.Г. Здравомыслова, апеллирующего к релятивистской теории нации, в их универсальности как механизма саморепрезентации: через противопоставление авто- и гетероэтнических стереотипов формируется представление о собственной национальной специфике, «ибо "мы" — данная нация — обнаруживает свое бытие прежде всего в отношении к "ним", к "другим"» [12].

Сегодня тенденция к межгрупповому сравнению такого рода в российском массовом сознании заметно актуализировалась. Как свидетельствуют данные опроса ВЦИОМ в 2010 г. [28], при том, что у большинства опрошенных россиян (65%) нет четких этнических антипатий, 29% заявляют о негативных эмоциях в отношении представителей кавказских народов, еще 6% говорят о нелюбви к выходцам из Средней Азии, у 3% неприязнь вызывают китайцы и евреи.

Таблица 1. Назовите, пожалуйста, нации и народы, представители которых вызывают у Вас чувство раздражения, неприязни? (открытый вопрос, любое количество ответов), %

Нации и народы	Годы			
	2005	2006	2009	2010
Кавказцы (азербайджанцы, армяне, грузины, ингуши, дагестанцы, чеченцы и т.д.)	23	29	29	29
Народы Средней Азии (таджики, узбеки, казахи)	4	2	6	6
Китайцы	2	2	3	3
Евреи	2	1	2	3
Цыгане	3	3	4	2
Азиаты	1	1	1	2
Арабы, мусульмане	2	0	1	2
Американцы	1	1	3	2
Украинцы	1	2	3	2
Прибалты (латыши, литовцы, эстонцы)	3	2	3	1
Европейцы (англичане, немцы)	1	0	2	1
Татары	1	0	1	1
Африканцы	1	0	1	0
Молдаване	1	0	1	0
Турки	1	0	1	0
Таких народов нет	34	41	55	56
Другое	0	0	3	2
Затрудняюсь ответить	30	20	8	9

Сложившуюся систему антипатий подтвердил недавно проведенный опрос москвичей и петербуржцев (табл. 2): по данным на январь 2012 г., с наибольшей антипатией столичные жители относятся к кавказским народам в целом (31% в Москве, 28% в Санкт-Петербурге). На втором месте — таджики (23 и 24% соответственно). В Москве на третьем месте — азербайджанцы (17%), на четвертом — узбеки (13%), в Санкт-Петербурге — наоборот (11 и 18% соответственно). Пятое место в обоих мегаполисах занимают чеченцы (12 и 8% соответственно) [18].

Далее в Москве антирейтинг продолжают грузины (9%), армяне (6%), дагестанцы (5%), азиаты в целом, киргизы (по 4%). По 2% набирают украинцы, татары, китайцы, по 1% — абхазцы, осетины, ингуши, молдаване, цыгане, евреи, вьетнамцы, прибалты и американцы. В северной столице в первой половине списка национальностей, вызывающих антипатию, азиаты (7%), грузины (6%), дагестанцы (5%), армяне (3%), а также американцы, украинцы, евреи, цыгане, китайцы (по 2%). Помимо тех народов, которые попали в московский антирейтинг, в Санкт-Петербурге упоминаются также туркмены (1%).

Таблица 2. К людям какой национальности Вы испытываете чувства раздражения, неприязни? (открытый вопрос, любое число ответов), %

Нации и национальности	Москва	Нации и национальности	Санкт-Петербург
Кавказцы	31	Кавказцы	28
Таджики	23	Таджики	24
Азербайджанцы	17	Узбеки	18
Узбеки	13	Азербайджанцы	11
Чеченцы	12	Чеченцы	8
Грузины	9	Азиаты	7
Армяне	6	Грузины	6
Дагестанцы	5	Дагестанцы	5
Азиаты	4	Армяне	3
Киргизы	4	Американцы	2
Украинцы	2	Украинцы	2
Татары	2	Китайцы	2
Китайцы	2	Евреи	2
Абхазцы	1	Цыгане	1
Американцы	1	Туркмены	1
Цыгане	1	Осетины	1
Осетины	1	Прибалты	1
Прибалты	1	Молдаване	1
Молдаване	1	Киргизы	1
Казахи	1	Казахи	1
Ингуши	1	Нет таких	1
Евреи	1	Другое	15
Вьетнамцы	1	Затрудняюсь ответить	8
Нет таких	2		
Другое	11		
Затрудняюсь ответить	7		

Иными словами, в авангарде антипатий россиян те этнонациональные группы, негативный опыт взаимоотношений с которыми сформировался не более чем за последние 20 лет. В свою очередь, как следует из приведенных данных 2010 г. и результатов опроса ВЦИОМ в 2011 г., традиционные исторические противники и антагонисты — немцы — воспринимаются россиянами без раздражения или негатива. Более того, отношение россиян

к немцам сегодня никак не связано с непростыми историческими взаимоотношениями: оно несильно отличается от отношения к остальным народам – участникам Второй мировой войны, в том числе союзникам СССР (по уровню симпатии немцы находятся на третьем месте (индекс отношения к этой нации – 36 пунктов), наравне с финнами и англичанами, после французов, итальянцев (по 39 пунктов) и японцев (31). Наименее симпатичны среди всех участников Второй мировой войны поляки (15 пунктов) и американцы (18 пунктов) [5].

Таблица 3. Как Вы, в целом, относитесь к представителям следующих стран, национальностей? (закрытый вопрос, один ответ по каждой позиции), %

Национальность	С симпатией, интересом	Безразлично, не испытываю никаких эмоций	С неприязнью, раздражением	Трудно сказать, неоднозначное отношение	Индекс (разница положительных и отрицательных оценок)
Итальянцы	39	55	3	3	36
Французы	39	56	3	3	36
Японцы	38	52	7	3	31
Англичане	35	56	6	3	29
Немцы	36	55	7	3	29
Финны	34	58	5	3	29
Американцы	31	54	13	3	18
Поляки	26	60	11	3	15

При том, что гетеростереотипы, как правило, неустойчивы, содержание, что в тот или иной момент понимается под «национальным характером», зависит от оппозиции, в рамках которой это содержание мыслится [15], и, по словам В.А. Тишкова, «антропологами по всем регионам мира описано множество примеров, доказывающих, что этническая принадлежность – крайне размытый и даже трудно воспринимаемый образ» [24], изменение фигуры «референтного "чужого"» в сознании россиян – весьма интересный и заслуживающий внимания социальный факт.

То, что фигура символического «другого» традиционно имеет очень важное значение в самоидентификации россиян, отмечалось уже неоднократно. В частности, А. Миллер обращает внимание, что современная ментальность и историческая память русских имеют (либо имели до недавних пор) по крайней мере одну весьма существенную особенность ментальности и исторической памяти – экзистенциальный страх, переживаемый на коллективном уровне, перед лицом реальной или воображаемой угрозы гибели национальной общности в результате лишения государственной самостоятельности, ассимиляции, депортации либо геноцида. Такого рода страх был связан вначале с турками, затем с немцами, в некоторых случаях с поляками [17].

Исторически в России в качестве «другого» воспринимались евреи, немцы и поляки. По словам А. Литвина, «подобно другим этническим меньшинствам, немцы часто становились коллективным объектом проекции различных фобий и культурных смыслов для "этнического большинства"» [14]. В качестве мишени для подобных проекций немец уступал только еврею, который как символ выступал в качестве универсального воплощения всего нерусского, неправославного, чуждого, коварно мимикрирующего под «"своего"» внутреннего врага, тогда как немец стал универсальным внешним врагом» [14]. В то же время образ поляка формировался из следующих составляющих: поляк как революционер и нелояльный

подданный (М.Н. Катков), как носитель религиозной и духовной «угрозы» (И. Аксаков), как разрушитель единства славянского мира (А. Гильфердинг) [31].

С.В. Давыдов отмечает, что образ немца долговременно использовался в качестве устойчивого гетеростереотипа обобщающего характера, с которым сравнивался образ русского [7] (одной из наиболее живописных иллюстраций традиционного противопоставления русского и немецкого национальных характеров являются народные пословицы и поговорки – «что русскому здорово, то немцу смерть», «пруссский гут, а русский гуте»). Иначе говоря, для русской и выросшей из нее российской идентичности была характерна ситуация, когда самоопределение было возможно только из противопоставления немецкому. Однако периоды и ситуации взаимодействия сторон были настолько неоднозначны, что коллективный немец при обладании очевидно положительными характеристиками одновременно стал носителем наиболее негативных черт – жестокости, эгоизма и нетерпимости.

До середины XIX в. в России образ немца был преимущественно положительным: это был образ обрусевшего немца с характерным акцентом, как правило, образованного, несколько скупого, но аккуратного и деловитого хозяина [19]. Такое представление о немцах было широко представлено в русской классической литературе, благодаря чему активно укоренялось и, кстати, до сих пор укореняется в массовом сознании. С.В. Оболенская пишет, что образ немца присутствовал в русской культуре на протяжении длительного времени, и представление о таких чертах немцев, как расчетливость, переходящая в скупость, аккуратность, перерастающая в педантизм, присутствовало в описаниях и оценках по адресу немцев всегда и традиционно противопоставлялось исконным качествам русских [19]. В «Евгении Онегине» присутствует «хлебник, немец аккуратный», Ф.М. Достоевский в «Дневнике писателя» пишет, что немецкий чиновник работает более педантично, у Н.С. Лескова в повести «Островитяне» петербургский немец «пунктуально верный, неутомимо трудолюбивый и безукоризненно честный».

Более того, достаточно продолжительное время немцы воспринимались как носители прогресса – эпоха петровских преобразований была сопряжена с деятельностью выходцев из немецкой слободы Ф. Лефорта, П. Гордона, Я. Брюса, а сама Германия в первую очередь ассоциировалась с университетами. Можно вспомнить слова А.С. Пушкина в «Евгении Онегине»: «Он из Германии туманной привез учености плоды», И.С. Тургенев словами Базарова говорит о Германии, что «тамошние ученые – дельный народ». Русская философская мысль ориентировалась на немецкую классическую философию: П.Я. Чаадаев называл Шлейермахера, Шеллинга «мощными умами» [26], и даже философы-славянофилы говорили о том, что «Германия есть страна, в которой развилась внутренняя, бесконечная сторона духа» [1].

Однако после первого объединения земель в 1871 г. Германская империя начинает восприниматься как источник угрозы, и образ немца приобретает черты врага и солдата. Такие представления о немцах закрепились в период Первой мировой войны, хотя после 1917 г. негативизация представления о Германии и немцах довольно скоро сменилась утверждением в общественном сознании положительных в своей контекстности образов немецких коммунистов – от К. Маркса до Э. Тельмана.

Следующий этап формирования образа немца пришелся на Вторую мировую войну, когда фашистская армия и солдаты стали воплощением и Германии, и немцев. В тот период образ немцев конструировался на основе личного опыта: почти в каждой семье была либо

участники боевых действий, либо работники тыла. Во время войны существовала безусловная ненависть к врагу, выражаемая лозунгом «убей немца!». Об абсолютном ассоциировании немцев с фашистами свидетельствуют результат фокус-группового интервьюирования петербуржцев в 2003 г. в рамках проекта «Представления о Германии и немцах в России» [1]. По словам участников фокус-групповых исследований, «конечно, к немцам в войну у нас была ненависть ...жгучая, острая... Когда вели немцев, не хотели даже смотреть на них. ...Убийцы, злее злого, извергами считали». Как резюмирует в своей итоговой статье один из исследователей проекта, Л.В. Ежова, представления о Германии и немцах у военного поколения замещены образом фашизма [21].

Наконец, значительное и, пожалуй, положительное влияние на формирование образа немецкого народа оказало возникновение двух германских государств, строительство Берлинской стены и ее последующий демонтаж. В данный период возникло представление о неоднородности и неоднозначности немцев. По признанию участников все тех же фокус-групп, казалось, что «в ГДР живут наши, а в ФРГ — гнивающие капиталисты, фашисты» [10]. Актуализировалось представление о том, что уж, если два преимущественно немецких государства не всегда могут прийти к пониманию, то сформированное предшествующими историческими периодами представление о традиционно немецких качествах может быть не совсем достоверным. Постепенно отношение к немцам потеряло конфликтный контекст, и образы немцев и русских практически исчерпали потенциал гетеростереотипов друг для друга.

Сегодня в России по-прежнему этнические группы мыслятся как формы социальной организации, и этническая граница канализирует социальную жизнь [2]. Но, как это фиксируется приведенными ранее результатами массовых опросов, образ «другого» сегодня воплощается фигурой «иммигранта» и во многом наделяется чертами «чужака», о котором говорил Г. Зиммель [29].

Причем в современной России категория «мигрант» означает любого, кто понимается чуждым для региона проживания или принимающего сообщества [4]. Соответственно представители кавказских и среднеазиатских этнонациональных групп, постоянно контактирующие с принимающим сообществом и даже внешне отличающиеся от принимающего сообщества, достаточно быстро заняли в массовом сознании место «другого». Как заметил Л.Д. Гудков, на рубеже 1980–1990-х гг. бывшее негативное отношение к Западу оказалось направлено, во-первых, против людей из ближнего зарубежья, а во-вторых, против внутренних «чужих» — в 1993 г. такие настроения демонстрировал каждый третий [6].

Можно выделить следующие этапы приобретения кавказцами и среднеазиатами черт «другого». По мнению Л.М. Дробижевой, немаловажную роль в росте антикавказских и антиазиатских настроений сыграла публикация результатов переписи 1989 г., продемонстрировавших существенные диспропорции в развитии, с одной стороны, русских, а с другой — народов Северного Кавказа и Средней Азии [9]. Достаточно серьезные антимусульманские настроения в российском обществе усилили теракты 11 сентября, при том, что обе чеченские войны мало повлияли на динамику неприязни к исламу («плохое» или «очень плохое» отношение к исламу в 1996 г. выразили 23% россиян, в 1999-м — 17%, в 2002-м — 21%, в 2005-м — 20%) [25]. Заметный рост антикавказских настроений, по данным Левада-центра, пришелся на 2000–2003 гг., а в 2006 г. заметно выросли негативные настроения в отношении чеченцев и азербайджанцев [19].

Однако в условиях невысокой интенсивности контактов с инациональными группами коренное население в большинстве своем относится к ним неприязненно, зачастую на основании предрассудков и страхов, сформированных через СМИ и слухи. И в первую очередь это выражается в структуре претензий, которые коренное население предъявляет к «другим». Так, в 2006 г. 34% участников всероссийского опроса, проведенного Левада-центром, полагали, что русские испытывают дискриминацию, суть которой виделась в том, что инородцы «больше торгуют на рынках и не пускают торговать местных жителей» (63%), «не чувствуют благодарность за то, что живут на русской земле» (45%), «оскорбительно ведут себя по отношению к русским» (44%), «не проявляют к русским достаточного уважения» (40%), «нарушают наши обычаи» (28%). Заметно реже такая дискриминация выражалась в терминах реальных выгод и потерь: «имеют возможность покупать лучшее жилье» (26%), «имеют больше своих людей в милиции» (24%), «имеют больше доступ в структуры высшей власти» (20%), «получают большую оплату, чем русские, за одинаковую ними работу» (18%) [20].

Более того, этническое неприятие нередко носит иррациональный характер. Так, по данным ВЦИОМ, в 2010 г. каждый второй респондент, заявлявший об этнических антипатиях, не мог назвать конкретных причин неприятия представителей других народов и наций. Остальные ссылались на опасения, связанные с угрозой террористических актов (13%) и нежелание приезжих считаться с нормами и обычаями, принятыми в России (11%). По 6% опрошенных раздражала внешность, манера поведения мигрантов, низкий уровень культуры и контроль определенных сфер бизнеса, 4% были убеждены, что приезжие отнимали рабочие места у местного населения (4%) [28].

При этом, однако, как показала ситуация вокруг празднования исламских праздников в Москве в 2010–2011 гг., конфликтогенными факторами в межнациональных отношениях очень часто оказываются специфика конфессиональной жизни и отправления религиозных обрядов: массовая уличная молитва на Ураза-байрам и жертвоприношения в Курбан-байрам. Несмотря на то что в 2011 г. московские власти учли недовольство населения по вопросу принесения в жертву животных в черте города, а мусульмане, в свою очередь, продемонстрировали лояльность, отказавшись от публичного заклятия баранов, депутаты от фракции ЛДПР внесли на рассмотрение Госдумы поправки, которые ограничивают перечень мест для проведения жертвоприношений и вводят штрафы за нарушение этих правил. Изменения планируется внести в законы «О свободе совести и о религиозных организациях» и в Кодекс об административных правонарушениях РФ [13].

Кстати, высокая, в сравнении с русскими, доля убежденно верующих среди диаспорных групп в большей мере ориентирует их в сторону предписанного традицией религиозного образа жизни — соблюдения предписанных культом норм поведения, совершения необходимых обрядов, посещения молитвенных зданий. И важно отметить, что убежденно верующие армяне и грузины не выделяются на общем фоне, так как они придерживаются общехристианских норм поведения, предписанных культом (посещение храма, причастие, исповедь), знакомых русскому населению и не вызывающих отторжения. Патриарх Московский и всея Руси Алексий II отмечал, что между Русской православной и, к примеру, Армянской Апостольской церквями, исторически принадлежащими «к одной семье православных народов», установились добрые отношения; в Московской духовной академии обучаются армянские священнослужители, и по взаимному соглашению между РПЦ и ААЦ в храмах этих конфессий русские и армяне могут принимать все христианские таинства

(крещение, причастие и др.). В свою очередь высокая религиозность мусульман в контексте преимущественно русского (в этническом плане) и православного (в культурном отношении) окружения часто вызывает проблемы принятия со стороны этнического большинства и сильно осложняет межнациональные отношения.

Важно понимать, что в межнациональных отношениях значимость такого культурного фактора является первостепенной, поскольку, как пишет С. Жижек, «мы наблюдаем сегодня процесс неслыханной ренатурализации — все "общественные проблемы" переводятся в вопросы регулирования интимных "естественных"/"личных" особенностей и соответствующего отношения к ним... когда единственным источником конфликтов становятся культурные (религиозные) или естественные (этнические) противоречия» [11]. В то же время возникновение этнофобий связано с появлением маргинальных слоев, остро реагирующих на социальные изменения или болезненный дисбаланс в системе этнического «разделения труда» [3]. А в России в условиях социально-экономической неустроенности можно ожидать дальнейшей культурной и социальной маргинализации значительной части населения, что повлечет за собою актуализацию аутгрупповой дискриминации [21], тем более что в российском массовом сознании достаточно серьезно укоренено представление о фигуре символического «другого».

Литература

1. Аксаков К.С. О некоторых современных собственно литературных вопросах // Вопросы философии. — 1990. — № 2. — С. 172.
2. Барт Ф. Введение // Этнические группы и социальные границы : социал. организация культур. различий. — М. : Новое изд-во, 2006. — С. 15, 17.
3. Булдаков В.П. Имперские этнофобии // Родина. — 1995. — № 7. — С. 22–23.
4. Верховский А.М. Эволюция постсоветского движения русских националистов // Вестник общественного мнения : данные, анализ, дискуссии. — 2011. — Т. 107, № 1. — С. 11–35.
5. Вспоминая народы — участники Второй мировой: россияне простили немцев, а поляков недолюбливают // ВЦИОМ : [веб-сайт]. URL: <http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=111697>.
6. Гудков Л.Д. Этнические проблемы в России: возможность систематич. исследований // Экономические и социальные перемены: мониторинг обществ. мнения : информ. бюллетень // ВЦИОМ. — 1993. — Октябрь. — С. 14.
7. Давыдов С.В. Динамика изменения этнических стереотипов русских и немцев за прошедшие полтора-два десятилетия // Вестник Нижегородского государственного университета. Серия «Социальные науки». — 2006. — Вып. 5. — С. 36.
8. Дробижева Л.М. Идентичность и этнические установки русских в своей и иноэтнической среде // Двадцать лет реформ глазами россиян (опыт многолет. социолог. замеров). URL: http://www.isras.ru/files/File/Doklad/Analit_doc_reforms/Glava_12.pdf.

9. Дробижеева Л.М. Этническое самосознание русских в современных условиях: идеология и практика // Современная этнография. — 1991. — № 1. — С. 12.
10. Ежова Л.В. Представления о Германии и немцах в Санкт-Петербурге // Центр независимых социологических исследований : [веб-сайт]. URL: www.cisr.ru/files/publ/Ejova/Ejova%20Rus%20Germ.doc.
11. Жижек С. Некоторые политически некорректные размышления о насилии во Франции и не только // Логос. — 2006. — № 2. — С. 13.
12. Здравомыслов А.Г. Россия и русские в современном немецком самосознании // Общественные науки и современность. — 2001. — № 4. — С. 104.
13. ЛДПР предлагает запретить жертвоприношения на улицах в Курбан-байрам // Коммерсант : [веб-сайт]. URL: <http://www.kommersant.ru/news/1802358>.
14. Литвин А. Немец-Враг: предисловие к публикации документов // Ad Imporio. — 2001. — № 4. — С. 229.
15. Малахов В. С. Что значит «мыслить национально»? Из истории немецкой и русской мысли первой трети XX в. // Логос : [веб-сайт]. URL: http://www.ruthenia.ru/logos/number/2001_5_6/01.htm.
16. По мнению 63% москвичей и 54% петербуржцев за 2011 г. межнациональные отношения в России стали напряженнее, нетерпимее (межнациональные отношения глазами москвичей и петербуржцев) // ВЦИОМ : [веб-сайт]. URL: <http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=112178>.
17. Миллер А.И. История империй и политика памяти // Россия в глобальной политике. — 2008. — № 4. — С. 7–8.
18. Москвичи и петербуржцы — о своих этнических симпатиях и антипатиях // ВЦИОМ : [веб-сайт]. URL: <http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=112356>.
19. Оболенская С.В. Образ немца в русской народной культуре. — М. : Одиссей, 1993.
20. Общественное мнение–2006. — М. : Левада-Центр, 2006. — С. 154–157.
21. Проект «Представления о Германии и немцах в России» осуществлен Центром независимых социологических исследований (Санкт-Петербург) по заказу Генерального консульства Германии в 2003 г. Более подробная информации по проекту предоставлена на сайте центра (URL: http://www.cisr.ru/projects_etnos.html)
22. Путин В.В. Придание статуса государствообразующей нации не к пользе русского народа // Novoteka : [веб-сайт]. URL: <http://novoteka.ru/sevent/11383740/27123837>.
23. Путин В.В. Россия: национальный вопрос // Независимая газета : [веб-сайт]. URL: http://www.ng.ru/politics/2012-01-23/1_national.html.
24. Тишков В.А. Идентичность и культурные границы // Идентичность и конфликт в постсоветских государствах : Сб. статей / Под ред. М.Б. Олкот, В. Тишкова, А. Малашенко. — М., 1997. — С. 23.
25. Фурман Д.Е., Каарияйнен К. Религиозность в России в 90-е гг. XX – начале XXI в. — М. : Огни ТД, 2006. — С. 22.
26. Чаадаев П.Я. Философические письма. Полное собрание сочинений и избранные письма.— М. : Наука, 1991. — Т. 1. — С. 98.

27. Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис : пер. с англ. / общ. ред. и предисл. А.В. Толстых. — М. : Прогресс, 1996.
28. Этнические симпатии и антипатии россиян // ВЦИОМ : [веб-сайт]. URL: <http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=13515>.
29. Simmel G. Gesamtausgabe / hrsgg. von O. Rammstedt. — Frankfurt a. M. : Suhrkamp, 1992. — Bd. 11. — S. 764.
30. Turner J. C. Social influence. Milton Keynes, UK : Open University Press. 1991.
31. Weeks T. Slavdom, civilization, russification : comments on Russia's world-historical mission, 1861–1878 // Ab Imperio. —2002. — № 2. — P. 223–248.